

ДИСКУССИИ

ПСИХОЛОГИЯ В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ (по поводу статьи А.В. Юревича)

© 2001 г. К. И. Алексеев

Канд. психол. наук, научный сотр. ИИЕТ РАН, Москва

В статье А.В. Юревича “Психология и методология” (“Психологический журнал”, 2000, № 5) представлена масштабная панорама современного состояния психологической науки, написанная автором яркими и крупными штрихами. Тем не менее эта картина требует, на мой взгляд, расстановки акцентов и проведения “красной нити”.

Так, бросается в глаза, что в каждой из трех разделов статьи Юревич фактически рассматривает науку психологию в новом “измерении”, не говоря об этом прямо и четко, не фиксируя различий, которые, тем не менее, ясно просматриваются и являются традиционными для современного науковедения. Это следующие “образцы” науки: 1) *социальный институт*, существующий и функционирующий в обществе и с неизбежностью включенный в контекст всей сегодняшней жизни (I раздел статьи – “Усталость от рационализма”); 2) *научное сообщество* ученых-психологов, ведущих и осмысляющих свою научную деятельность в соответствии с определенными нормами, стандартами и ценностями (II раздел – “Позитивистское перенапряжение”); 3) *система знаний* о психологической реальности (III раздел – “Между Сциллой и Харибдой”).

Такое разделение позволяет поставить проблему: какие связи и отношения существуют между этими тремя “ипостасями” науки? Рассмотрим ее сначала в общем виде и обрисую основные направления решения, а потом прокомментирую с изложенных позиций положение дел в психологической науке.

Какой же из образов науки является главным, основным в открывающейся перед нами картине, на что следует обращать внимание в первую очередь? Ответ на этот вопрос прост и очевиден; вот как формулируют его видные отечественные специалисты в области философии науки М.А. Розов и В.С. Степин: “Наука многоаспектна и многогранна, но прежде всего она представляет собой производство знаний. Наука не существует без знания, как автомобилестроение не существует без автомобиля. Можно поэтому интересоваться историей научных учреждений, социологией и психологией научных коллективов, но именно производство знаний делает науку наукой” [4, с. 4]. Если рассматривать с этой позиции функциони-

рование научного сообщества, то в первую очередь деятельность ученых следует считать направленной на поиск истины, получение нового знания. Очевидно, однако, что новое знание отнюдь не является единственным мотивом деятельности ученого, довольно часто она направляется мотивами, ничего общего не имеющего с благородным служением истине. Как убедительно показывает Юревич в книге “Психология науки”, нередко ученые “корыстны и субъективны, склонны к подтасовке данных и их засекречиванию, больше думают о публикациях и приоритетах, чем об открытии истины” [5, с. 285]. Тем не менее, направляемая даже такими мотивами деятельность ученых все-таки приводит к желаемому для науки результату – истине и новому знанию. Это становится возможным благодаря тому, что “те действия ученых, из которых в конечном счете и складывается научная деятельность, не совершаются, а описываются в соответствии с ее (науки. – К.А.) нормами” [5, с. 284]. А основная норма и ценность науки, повторяюсь, – это поиск истины и получение нового знания.

Подобные вопросы возникают и при рассмотрении науки как социального института и ее функционирования в обществе: как соотносятся ценности и цели науки с ценностями и целями других социальных институтов (государства, бизнеса, образования, средств массовой информации и т.д.) и общества в целом. Очевидно, к примеру, что целевые установки науки – истина и новое знание – отличаются от целевой установки бизнеса – получения прибыли. Не менее очевидно, что удачный симбиоз науки и бизнеса возможен только при условии согласования и одновременного достижения обеих целей – когда бизнесмены будут извлекать прибыли от вложений в науку, а ученые на эти деньги будут проводить новые исследования и получать новые знания. При этом основной продукт деятельности бизнесмена (деньги) будут побочным для деятельности ученого, и наоборот – основной продукт деятельности ученого (истина и новое знание) явится побочным для бизнесмена. Приведенный пример иллюстрирует применение различия основного и побочного продукта деятельности, хорошо известного в психологии по работам Я.А. Пономаре-

ва, а в философии по трудам М.А. Розова – в которых последний сформулировал представление о рефлексивной симметрии деятельности¹, применил его к анализу развития науки и, в частности, выдвинул тезис о необходимости согласования ценностей науки и культуры (см. подробнее [6, 7]).

Таким образом, мы видим, что именно знание является конституирующим компонентом науки, именно оно определяет функционирование научного сообщества и социального института науки и “красной нитью” проходит через ее разные “образцы” и “измерения”. Рассмотрим теперь с этих позиций положение дел в психологической науке.

Прежде всего несомненный интерес представляет выдвинутое Юревичем положение об иррационализации всей общественной жизни. В этой связи я хочу обратить внимание на работы Н.И. Кузнецовой, предложившей новую категориальную методологическую программу – “экология науки” [2, 3]. Кратко принципиальную категориальную схему и вытекающую из нее исследовательскую задачу Кузнецова формулирует следующим образом: “Дано явление X, существующее в определенной среде, необходимо выделить эту среду и связи X с этой средой в качестве особого объекта изучения” [3, с. 42]. Своеобразие программы “экологии науки” в отличие от традиционного различия “внешних” и “внутренних” факторов развития науки состоит в новом осмыслении внешних по отношению к науке факторов как “средовых”, т.е. неотъемлемых условий ее существования. И в этом плане иррационализацию всей общественной жизни при исследованиях в русле “экологии науки” можно представить как неблагоприятную для науки “среду обитания”. Подчеркну, что речь идет не просто о других формулировках или использовании других слов, ничего не меняющих в сущности изучаемого объекта. За разными словами стоят разные реальности, разные модели науки и ее отношений с обществом.

В этой связи спорным выглядят тезисы Юревича о позитивизме, господствующем в научном сообществе психологов, “позитивистском камуфляже” при описании результатов исследований, “позитивистском перенапряжении” научного со-

общества вследствие несоответствия “позитивистских” норм науки реальной исследовательской практике. В поддержку этих тезисов автор ссылается на работу социологов науки Дж. Гилберта и М. Малкея [1], установивших, что ученые описывают результаты своих исследований, следуя двум разным интерпретационным репертуарам: эмпиристскому, при котором исследование выглядит беспристрастным выражением “объективных” законов природы, и условному, в котором находят выражение интересы самих ученых. При этом эмпиристский репертуар характерен для “формальной научной литературы” – что вполне естественно, поскольку ее основной целью является по возможности ясное и четкое изложение полученных в работе знаний, а конкретные особенности деятельности по их получению отходят на второй план. Но заключать на этом основании, что подобное описание является “камуфляжем” реальной исследовательской деятельности представляется мне некорректным, поскольку деятельность не сводится к ее описанию, а потому оно не может служить “камуфляжем” деятельности – это аксиома и для психологии, и для философии науки (в которой существует проблема соотношения рефлексии ученых и их исследовательской практики; анализ науки как системы с рефлексией см. в работе М.А. Розова [7]).

Сам анализ системы знания психологической науки является крайне важным и существенным для понимания ее сегодняшнего состояния – таким же важным, как в начале XX в., когда впервые прозвучало утверждение о кризисе психологии. В этой связи выдвинутое Юревичем положение о феноменологии психологического знания приобретает особую остроту. Действительно, в естествознании “категории, в которых изучается физическая или биологическая реальность – атомы, электроны, молекулы и т.п. – имеют мало общего с категориями, в которых мы эту реальность воспринимаем; они описывают саму эту реальность, а не наши восприятия, что и позволяет выявлять ее имманентные, а не приписанные нами в силу особенностей этого восприятия (как, скажем, в случае геоцентрической модели Вселенной) закономерности” (с. 41). В то время как в психологии “мы воспринимаем феноменологически данные нам психические явления, а не ту реальность, которая за ними стоит, и структурирование своего восприятия психики проецируем на саму психику” (с. 42). Чтобы почувствовать странность такого “объяснения”, представим себе детальное, точное, скрупулезное описание генетических экспериментов – но выдержанное строго в терминах фенотипического описания, при полном отсутствии представления о генах и генотипе... Более того, в качестве объяснения полученной картины богатых и разнообразных феноменов нам предлагают... действие сложной сово-

¹ “Рефлексивно симметричными мы будем называть такие два акта деятельности, которые отличаются друг от друга только осознанием результата и взаимно друг в друга преобразуются путем изменения нашей рефлексивной позиции. Допустим, осуществляя некоторые действия, мы рассматриваем результат А как основной, а результат В как побочный. Смена рефлексивной позиции будет заключаться в том, что А и В меняются местами, т.е. В становится основным продуктом, ради которого осуществляются действия, а А переходит в разряд побочных результатов. Очевидно, что физическая природа наших действий при этом не претерпевает никаких изменений, т.е. остается инвариантной” [4, с. 167].

купности фенотипических признаков в их сложной взаимосвязи, причем далее говорится, что нельзя изолировать какой-либо фенотипический признак, и появление всей наблюдаемой картины приписать действию только этого признака!

Отметим, однако, что в развитии естественных наук был подобный период: такие объяснительные сущности, как флогистон (материя огня) и теплород (материя тепла) появились сходным образом: исследователь наблюдает горение – значит, должна быть особая сущность, вызываемая горением; исследователь ощущает тепло – значит, должна существовать материя тепла. Однако, как отмечает М.А. Розов, “успехи в изучении Природы всегда были существенно связаны с абстракцией от тех ментальных состояний, которые порождают в нас те или иные природные явления” [8, с. 12] и приводит следующие примеры: согласно Демокриту, реально существуют только атомы и пустота, а цвета, запахи, звуки, вкусовые характеристики – это результат воздействия атомов на наши органы чувств. Сходным образом рассуждает и Галилей: ощущение теплоты – это результат движения мельчайших частиц.

Аналогии с развитием естествознания проводят также Л. Росс и Р. Нисбетт в книге “Человек и ситуация”, одной из важнейших психологических работ последнего десятилетия. Приводя аргументы против позиции диспозиционизма, объясняющего согласованность поведения теми или иными личностными чертами, качествами и характеристиками, проявляющимися вне зависимости от конкретной ситуации, они цитируют К. Левина: “По Аристотелю, движущие силы были полностью и заранее обусловлены природой физического тела. В современной физике все наоборот: существование вектора силы всегда зависит от взаимных отношений нескольких физических фактов, в особенности от отношения тела к его среде” [9, с. 268]. Налицо аналогия между древней физикой и современной психологией: «Древняя физика представляла поведение объектов исключительно в терминах их свойств или диспозиций. Камень при погружении в воду тонет, поскольку обладает свойством тяжести, или “гравитацией”, кусок же дерева плавает, потому что обладает свойством легкости, или “левитацией”» [9, с. 268]. Современная физика преодолела предметоцентризм древней физики, заменив его топоцентристскими представлениями, в которых свойства объекта определяются его местом в системе других

объектов (подробнее о предметоцентризме и топоцентризме и их проявлениях в гуманитарных науках см. в работе М.А. Розова [7]). В психологии же, как пишут Росс и Нисбетт, “не было ни своего Ньютона, ни тем более своего Эйнштейна, которые могли бы заменить наши наивные, основанные на опыте представления более точной и научно обоснованной системой воззрений, которая позволила бы очертить взаимоотношения между человеком и ситуацией” [9, с. 268–269]². Но естествознание проделало долгий путь, прежде чем прийти к сегодняшним онтологическим представлениям, а психология еще очень молодая наука, и остается лишь присоединиться к А.В. Юревичу, выразившему наши общие надежды на разработку адекватной онтологии социальной и психологической реальности. Тем более что все предпосылки для этого есть: это и опыт естествознания, успешно преодолевшего феноменологизм и предметоцентризм, и топоцентристские разработки в самой психологии и других гуманитарных науках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. Социологический анализ высказываний ученых. М.: Прогресс, 1987.
2. Кузнецова Н.И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII–середина XIX вв.). М.: УРСС, 1997.
3. Кузнецова Н.И. Философия науки и история науки: проблемы синтеза. М.: ИФ РАН, 1998.
4. Розов М.А., Степин В.С. Предмет философии науки // Философия науки и техники. М.: Контакт-альфа, 1995. С. 3–13.
5. Юревич А.В. Скрытое лицо науки // Психология науки. М.: Флинта, 1998. С. 251–290.
6. Розов М.А. Проблема ценностей и развитие науки // Наука и ценности. Новосибирск: Наука, 1987. С. 5–27.
7. Розов М.А. Наука как традиция // Философия науки и техники. М.: Контакт-альфа, 1995. С. 66–178.
8. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы анализа знаний // теория социальных эстафет: история–идеи–перспективы. Новосибирск, 1997. С. 9–67.
9. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект-пресс, 1999.

² Даже теория поля К. Левина, на которую авторы ссылаются в поисках более продуктивных представлений о личности и ситуации, может служить лишь их метафорой.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

БЕСЕДЫ С ЖАНОМ ПИАЖЕ*

© 2001 г. Жан-Клод Бранжье

Беседа одиннадцатая

(Май–июнь, 1969)

ПАМЯТЬ: ПОХИЩЕНИЕ ЖАНА ПИАЖЕ

Бранжье: Помимо Вашей работы в Центре, Вы занимались еще какими-либо исследованиями?

Пиаже: Да, я продолжал свои исследования совместно с Барбелем Инхельдером, самое последнее из них было посвящено связи между памятью и интеллектом. Проблема заключалась в том, чтобы понять, является ли память более или менее пассивным воспроизведением воспринятого ранее, или она представляет собой реконструкцию прошлого – частично концептуальную и частично опирающуюся на логические выводы – часть которого была забыта и теперь нуждается в восстановлении и переформировании.

Бранжье: Это то же самое, что Вы говорили по поводу рефлексии и осознания?

Пиаже: Да, разумеется. Это схожая проблема, однако, в отношении памяти часто полагают, что образ прошлого, его текущая репрезентация лишь отражается памятью.

Бранжье: Но это совсем не так.

Пиаже: Но это не совсем так. Изучая стадии развития памяти с точки зрения проблемы операций, мы обнаружили, что ребенок помнит то, что ему показали в том виде, в котором он это понял, а не так, как он это воспринял или пережил. Прекрасный пример из экспериментов на последовательность: ребенку дают палочки, уже разложенные по длине, рассортированные от самой короткой до самой длинной в простой арифметической прогрессии, и говорят: “Просто посмотри на это, и мы ненадолго это отложим. Хорошенько посмотри, а потом мы это уберем, и ты нарисуешь по памяти то, что я тебе сейчас показал”. Он смотрит одну-две минуты на эту последовательность и потом, спустя десять минут, мы просим ребенка нарисовать картинку. Это может произойти и час спустя. Анализируя детские рисунки, мы обнаружили: то, что ребенок увидел в представленном ему материале, соответствует тому способу, каким он конструирует последовательность. Другими словами, на первой стадии последовательнос-

ти нет никакой, ребенок рисует пары, длинную и короткую, длинную и короткую, но группы никак не связаны между собой. В результате получается нечто безо всякой последовательности, но объединенное в пары. Затем появляются группы из трех элементов – короткая, средняя и длинная, но и группы из трех элементов не связаны между собой. Затем появляются короткие, неполные последовательности – вместо десяти изображено пять палочек, правильно расположенных, но ребенок забывает про остальные пять. И, наконец, последовательность приобретает законченный вид. Характер рисунков говорит только о стадии освоения последовательностей, на которой находится ребенок – но не имеет отношения к его восприятию. В этих случаях, память представляется обычно тем, что он может или должен сделать, чтобы воспроизвести предполагаемую модель.

Бранжье: Таким образом, это верно для его настоящего, но не для его прошлого?

Пиаже: Именно так! Он реконструирует прошлое как функцию настоящего. То, что происходит дальше, поразительно: тремя-шестью месяцами позже – конечно, без каких-либо демонстраций за это время – его спрашивают: “Ты помнишь то, что я показывал тебе?” и он отвечает: “Да, такие маленькие палочки”. “Нарисуй мне то, что я тебе показывал”. И теперь, через три или через шесть месяцев, его память стала значительно лучше, чем через десять минут или через час после демонстрации. Другими словами, теперь это память о схеме, а не об объекте. О схеме действий, которые позволяют ему создавать, конструировать объект. И поскольку схема развивается в течение шести месяцев, ребенок в состоянии реконструировать объект, который ему показали полгода назад, и который он в то время смог воспроизвести очень неточно. Среди всех обследованных детей 75% продемонстрировали некоторый прогресс по сравнению с непосредственным воспоминанием. Мы обнаружили, что это верно не только для последовательностей, но и для других схем операций.

Бранжье: Сколько лет было этим детям?

* Bringuier Jean-Claude. Conversations with Jean Piaget. The University of Chicago Press. 1980. Перевод Ильиной С.В., Сатиной Д.К. Продолжение, начало в № 2–6, 2000 и № 1–5, 2001.